

Donggudeokkundororo

Эскапизм
не
считается
патологией

Donggudeokkundororo

Эскапизм не считается патологией

«Автор»

2026

Donggudeokkundororo

Эскапизм не считается патологией / Donggudeokkundororo —
«Автор», 2026

Осознать вдруг, что все это время жил во лжи. Каково это? Но эта ложь была столь сладка, приятна и тепла, что хотелось вцепиться в нее руками и ногами и тихо плакать. Но как принять то, что все это время заблуждался? Как смириться с тем, что кошмарный мир вранья прекраснее и чище, благородной истины? Бежать. Бежать, задыхаясь от боли и растерянности. Бежать, минуя безнадежность и страх. Бежать от реальности. Этому есть название. Эскапизм. Эскапизм не считается патологией. Холодным зимним утром, в доме, где сквозят окна, полно пыли, старых книг, картин, прочих безделушек и ковров Лун открывает глаза. Она не видит ничего, что во сне, что на яву перед ей пустота. Она лениво тянется к руке мужа, надеясь коснуться его тепла

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эскапизм не считается патологией

Глава 1

* Эскапизм — побег от реальности*

— Хватит стучать.

— Холодно, руки дрожат, я не виноват.

— Ну так поставь чашку на блюдце и не нервируй меня с самого утра. Повисла небольшая тишина, чашка продолжала стучать о блюдце, издавая противный неритмичный резкий звук.

— У тебя волосы так отрасли. Не хочешь покрасить? Или решила отрастить родной цвет? Выговорил Реймун, чтоб перевести тему, не подумав, первое, что пришло в голову, но осознав, какую чушь выпалил, замолчал, в самом деле, поставив чашку на блюдце. Тишина, которой так жаждала Лун наконец наступила, и она не торопилась ее нарушать. После недолгой паузы и тихого выдоха она сказала, поджав губы.

— Хватит издеваться.

— Я не подумал. Да и не хотел издеваться, и ты это прекрасно знаешь.

— Я вижу.

— Ты сама над собой издеваешься. Заметил Реймун с легкой доброй усмешкой, отчего и сама Лун не могла не улыбнуться в ответ, так же устало и натянуто, но глаза ее хоть и пустые немного заблестели тусклым, хиленьким светом.

— От окна дует, у меня тоже руки замерзли. Подтолкни его пожалуйста.

— Оно закрыто. Трещина в стекле около твоих рук, вот и холодно. Время будет, придумаю что —нибудь. Бледные пальцы Лун коснулись трещины в холодном стекле, словно трещины во льду и медленно провели от его начала вниз. Действительно холодно. Зима только началась, вот и мороз. Тем более с утра пораньше. Зато ноги не мерзли, потому что ковров дома было очень много. Логический парадокс был в том, что Лун ходит по дому босиком, а чтобы не мерзнуть Реймун постелил ковры, а так как Реймун постелил ковры, Лун все чаще ходит босиком. Так что трудно установить, кто из них стал причиной этому. Благо, у них нет домашних питомцев. Зато полный дом растений. Немного завялые маленькие джунгли. Завялые из — за сухого воздуха и холода в доме.

— Почитаешь мне? А то последний раз ты читал мне, когда мы жили в том доме. Сказала Лун, чуть наклонив голову, теперь ее пустое, почти безцветное лицо стало казаться не пустым, а спокойным, туманный взгляд был направлен в сторону шкафа с книгами и в сторону мужа. Реймун, улыбнувшись, кивнул и встал со стула подошёл к шкафу.

— Что мы читали последнее?

— «Вишневый сад», кажется, дочитали, можем начать что — то новое. Реймун улыбнулся, потупив в шкаф, выбирая, что почитать. Что —нибудь не особо длинное, но и не особо короткое. Но мысли его были совершенно не о книгах. С самого переезда настроение Лун меланхолично стояло под дождём в огромной луже, думая, что хуже уже не будет. Но сегодня, кажется, его жена в хорошем настроении, а в последнее время такое бывает редко. Большую часть времени она молчит, думая о своем, порой ее раздумия настолько волнующие, что ее лицо меняется, брови вскидываются вверх и тут же хмурятся, словно делая какие — то умные выводы. Порой, когда она думает о чем- то грустном, ее глаза выглядят так, словно слезы вот вот ручьем зальют ее бледные щеки. А иногда, что, конечно, тоже бывает редко, она улыбается. Чаще, конечно, это похоже на горькую усмешку, но бывают и такие редкие моменты ее искренних улыбок. Удивительно, что Реймун начал приглядываться и отмечать такие мелочи, которые теперь стали совсем не мелочами. Когда Лун молчит, трудно угадывать ее эмоции,

мысли и чувства, поэтому парень начал ловить взглядом ее легкие подрагивания век, движения бровей, улыбки и усмешки...

— Реймун?

— Ах да, прости, задумался. Может, ты выберешь книгу? Лун встала и подошла к нему. Осторожно касаясь краев полок шкафа, она, не спеша, перебирала пальцами старые выцветшие переплёты. Остановившись на самом шершавом, будто знакомом, она достала книгу и протянула ее Реймуну.

— Давай эту. Реймун наклонил голову, смотря название произведения. Его темные волосы коснулись лба Лун.

— Мы читали ее уже. Это твои любимые «Двенадцать стульев»

— Тогда дай соседнюю слева... сказала Лун, поставив книгу на место, отсчитав пальцами выемку среди плотно поставленных не по росту, и даже не по порядку, толстых книг

— Ну ты и выбрала. Ты сказала, эти книги раньше принадлежали твоей сестре, и у меня много вопросов к ее вкусу. Сказал Реймун, листая книгу, выбранную Лун. — Никогда бы не подумал, что у той легкомысленной девочки есть романы о расизме, преступности и вселенской несправедливости

— «Убить пересмешника»? Спросила Лун, повернувшись к Реймуну.

— Только не говори, что ты читала уже. Мы так никогда книгу не выберем.

— Нет, не читала. Сестра рассказывала, когда я играла на скрипке. Мышечная память, вот и запомнилось. Почитаешь ее? Сказала Лун, подняв глаза на Реймуна, с той самой легкой искренней улыбкой, полной ожидания и надежды, которые он видел настолько редко, что такие моменты запоминались на долгие времена, как те ее мелодии на скрипке в их старом доме.

— Почитаю. Кстати, ты не скучаешь по скрипке? Можем выкупить твою обратно, или купим новую. Сказал парень, невольно любуясь ее бледным, но таким красивым лицом.

— Скучаю. Итак, когда тебя нет, сижу здесь как узник в темнице. Я пересчитала здесь уже все окна, двери и углы.

— И горшки с цветами? Весело заметил Реймун

— И горшки с цветами. Повторила лун, кивнув головой.

— Я ведь не заставляю тебя сидеть дома. Люди, как ты, тоже могут работать. Ты ведь столько всего знаешь. Тебе не обязательно работать со стадом детей, можно найти парочку, действительно жаждущих знаний и работать с ними.

— Я не знаю. Мне все равно трудно привыкнуть к этому. Да и вряд ли это будет как раньше.

— А если попробовать? Ну что, неудачный шаг, все равно шаг. Уже начал Реймун, но увидев поникшее лицо Лун, решил не продолжать свои нотации. — Ладно тебе, пошли читать. Сказал он, мягко обняв ее плечи.

Глава 2

Лун и Реймун переехали недавно. Основной причиной стало то, что их прошлый дом был не совсем удобен для особенностей девушки, хотя сама Лун утверждала обратное. В их старом доме было два этажа и подвал; все вещи были раскиданы так, что за сутки можно было спуститься и подняться около двадцати раз. Поэтому большинство вещей, особенно ненужных, которые хранились «для памяти», пришлось раздарить или выбросить. Жалко, конечно, во-первых, потому что эти вещи уже потеряли одну вторую своей памятности для Лун, а во-вторых, потому что они все принадлежали именно ей. Для Реймуна воспоминаниями были их совместные фотографии в галерее телефона, старые картины на стенах, которые парень постоянно перевешивал с места на место, потому что стабильно раз в три-четыре дня ему казалось, что «Блудный сын» или Венера следят за ним. Их огромное множество книг, которые они читали вместе, с которых начались их отношения. Да, эти горшки с цветами, немного действующие на нервы; Реймуну даже пришлось немного наврать Лун о живости некоторых растений,

чтобы не переносить их все. В общем, вещей было прилично, но если бы Реймун не отсеял всё ненужное, их было бы точно раз в пять больше. Словно два ребёнка перевезли свои детские комнаты в один большой дом. Детские комнаты, уборку в которых порой родители делают месяцами, потому что в комнате маленького человека нельзя просто протереть пыль, пропылесосить и растолкать вещи по шкафам. Во время наведения порядка в их маленьких домах для игрушек можно найти буквально всё: от карт и документов додохлых летучих мышей и полуразложившихся конфет.

Конечно, супруги завалили хламом и новый дом, но зато Лун привыкла к этому дому очень быстро, что радовало Реймуна, так как он мог не боясь оставлять её одну. Хотя на самом деле основной причиной для переезда стало совсем иное...

Когда роман был прочитан почти на треть, Реймун накрыл пледом спящее, умильное до такой степени, что хотелось плакать, тельце Лун и тихо встал с дивана, поставив книгу на место. Как же безобразно они стоят. Не по алфавиту и даже не по росту. Как Лун поставила их, так они послушно следуют её приказу всё это время.

Как они переехали, с того момента Лун плохо спит ночью, но зато часто засыпает днём. Пусть так, чем никак вовсе. Обычно тем, кто спит днём, снятся более яркие и интересные сны. Хоть где-то Лун сможет увидеть мир. Реймун в это время шёл на работу, смотря себе под ноги. Он боролся с одной навязчивой привычкой — смотреть в чужие окна. Это сыграло с ним однажды злую шутку, поэтому он старательно игнорировал разноцветные окна домов и движения теней внутри.

Их прежний дом находился посреди улицы, окружённый другими домами. Живя там, Реймун часто задумывался о том о сём и сам того не замечая наблюдал за соседями в окнах. Но в тот самый период, когда Лун изменилась, что-то изменилось и в их соседях... Реймун постоянно начал видеть в окнах что-то пугающее. Порой ему было противно от самого себя, когда он, успокаивая плачущую жену, думал не о её боли и потере, а о том, какая жуткая сущность смотрит на него в ответ сквозь два окна... Порой эти сущности были настолько пугающими, что Реймун замирал и не мог не думать, не делать ничего, кроме как тарашиться на них в ответ, чувствуя, как подрагивают от страха его пальцы и как на спине проступает холодный пот. Эти ужасы сперва казались ему просто тенями, призраками, потом бесформенными существами с сияющими пустыми, но такими пугающими белыми глазами, затем более сформированными монстрами, в которых уже отчётливо виднелись особенности фигуры, страшное до ужаса лицо, если это вообще можно назвать лицом, безобразные выражения и безумные улыбки, и всё те же пугающие пустые глаза, которые, казалось, смотрели сквозь душу Реймуна, видя и чувствуя его страх и судорожное биение сердца, которое начинало ускоряться, когда Лун открывала шторы. И вот однажды, возвращаясь домой, Реймун увидел этого ужасающего монстра в собственном окне... В комнате Лун... Пугающая женщина, сильно старше его жены, с растрёпанными длинными, почти до колен, седыми волосами, одетая в старые лохмотья, которые, казалось, скоро рассыпятся на её худощавом скелете, обтянутом бледной кожей, с жутким и омерзительным лицом и теми белыми пустыми глазами... На её лице была перекошенная улыбка, практически достигающая висков, её голова неестественно наклонена влево. Она смотрела прямо на Реймуна, махая ему своей костлявой рукой, испачканной коричневыми разводами крови, смеялась и от смеха сама тряслась, становясь ещё более пугающей... Тогда идея о переезде и только о переезде могла волновать Реймуна.

Глава 3

Реймун проснулся от лёгкого холодного ветра, играющего с его волосами, то открывая, то пряча сонное лицо парня. Он невольно поёжился... больше от раздражения, чем от холода. Что с этим домом не так? Риторический вопрос, не имеющий ответа. Окна держались буквально, да и фигурально, на честном слове. Ладно, если бы на улице была весна, но нет уж, за порогом

начало зимы. Реймун приподнялся, чтобы толкнуть это раздражающее окно и наконец доспать свои законные пару минут, уже на автомате укрывая Лун частью своего одеяла. Когда Лун изменилась, Реймун перестал думать об этой мимолётной заботе... Она практически врезалась в его мозг на уровне врождённых рефлексов. Он не думал о том, что сделать, чтобы Лун чувствовала себя хорошо, он просто брал и делал, не успевая обработать это. Когда Реймун встал, Лун тоже зашевелилась, приподнявшись на локтях.

— Спи, рано ещё, — сказал Реймун, пытаясь закрыть назойливое окно, толкая внешнюю часть вперёд.

— Мне всё равно плохо спится. Просыпаюсь каждый час, — ответила сонным, немного хриплым голосом Лун, смотря в его сторону своими бледными глазами.

— Ты откуда знаешь, что час прошёл? — спросил Реймун, с шумом толкая внутреннее окно на место.

— Не знаю. Чувствую, — ответила Лун; её голос стал чуть тише, словно она задумалась, на самом деле, откуда ей известно, что именно час проходит между её ночным бодрствованием.

— Во сне время плохо ощущаешь. Хотя ты и не спишь толком, — сказал парень, наконец закрыв предательски подлое окно, и лёг рядом с женой, укрывая её плотнее своим одеялом.

— Раз не спишь, зачем сама не укрылась? — спросил он, улыбаясь и одновременно умиляясь тем, что кутает её в одеяльце словно свою дочь.

— Мне не холодно.

— Не выдумывай. Мне холодно, а тебе нет? Не бывает такого, — сказал Реймун, наконец закончив, убедившись, что Лун и при огромном желании не замёрзнет, лёг рядом, обняв её. Тонкие холодные ручки девушки обняли его в ответ, её голова склонилась к его груди. Конечно, не холодно ей... врать бы научилась.

— Мне показалось, будто ночью я слышала какой-то звук... Словно что-то стучит... Не знаю, то ли по тонкому дереву, то ли по холсту, — сказала Лун, приподняв подбородок, по привычке ища ответный взгляд Реймуна, словно проверяя, слушает ли он её.

— Холсту? И часто ты по холстам стучишь, раз можешь так звук определить? Я ничего не слышал. Да и холстов у нас таких больших вроде... А нет, есть. Да, я уберу его сегодня в кладовую, — лениво проговорил Реймун, оглядывая их беспорядок в комнате, остановившись на картине, стоящей на полу, прикрытой белой тканью.

— Ты про тот большой портрет? Нет, не убирай его. Повесь где-нибудь, — сказала девушка, продолжая смотреть на него своими пустыми глазами. Да, теперь она точно больше походит на его дочь.

— Зачем? Портретируемый же стучит по холсту и мешает тебе спать, — сказал Реймун, ласково погладив её по волосам, легко коснувшись их губами.

— Так значит, он в итоге стучит? Кто там изображён хоть? — спросила Лун, ближе прижавшись к Реймуну, как цыплёнок к курочке.

— Я не знаю. Какой-то парень. Вроде это автопортрет. Не бери в голову, — отвечал Реймун, продолжая гладить и мягко перебирать её волосы.

— Не могу. Я постоянно что-то слышу. В тот раз соседи так громко ругались, что слышно было даже у нас, — рассказывала Лун, как обычно с ноткой жалобы; пусть больше это было похоже на её грустный монолог... Но вот лицо Реймуна побледнело... А скорее побелело... Сердце забило где-то в горле, мешая дышать.

— Лун, солнце, у нас нет соседей. В самом ближнем доме бабушка умерла за неделю до того, как мы приехали, — его голос был напряжённо зажатым и тише обычного, словно он боялся, что эта самая бабушка услышит его. Но молился в душе, чтобы Лун это просто приснилось или привиделось.

— Как же? Нет, я заходила к ней... Мы разговаривали с той бабушкой... Правда, я не слышала тех, кто ругался до этого, она сказала, что живёт здесь одна... — продолжала Лун. Теперь уже и её голос стал чуть тише и напряжённее.

Лицо Реймуна тем временем становилось всё белее и белее, оказываясь почти прозрачным, так что тонкие сосуды у его бровей и висков стали пугающе видны. Перед глазами всплывали те самые сущности из их прошлого дома, которые парень боялся до смерти... Неужели эти проклятые монстры достали его даже здесь?

— Ты уверена, что разговаривала именно с ней, Лун? — почти проскулил Реймун, стараясь звучать как можно спокойнее и ровнее.

— Ну да... Я вышла из дома и пошла влево, туда, откуда была слышна ругань. Но когда я подошла к дому, мне открыла дверь бабушка. Она взяла меня за руку и помогла зайти в дом. Но это были именно старые руки, руки пожилого человека... Я точно помню... Только вот... я вспомнила о ругани только когда вышла... И пока разговаривала с ней, не слышала её, — говорила Лун тихо, делая паузы между словами, словно пытаясь вспомнить максимум того, что было. Реймун вслушивался в каждое её слово, чувствуя, как дрожит нижнее веко, а во рту стало сухо как в пустыне.

— Но... Окна в её доме заколоченные. И свет там никогда не горит. Лун, и дом у нас в конце улицы. С кем ты разговаривала? — спросил Реймун, развернув её плечи к себе, твёрдо, но не причиняя дискомфорта. Реймун всё старался не выдавать своего шторма внутри, но, кажется, даже одеяло, лежащее на их коленях, начало вибрировать. Тут уже лицо Лун побелело...

— Я... Я не знаю... Реймун, я... — начала запинаться Лун, не зная, что ответить. Её брови чуть поднялись вверх и слегка изогнулись, придавая её лицу более уязвимое выражение. — Но мне показалось, что она была там не одна... Кто-то ходил за мной... Такими тяжёлыми шагами... — начала Лун, но Реймун прервал её:

— Не выходи больше из дома без меня, пожалуйста, Лун, я очень прошу тебя, я с ума сойду, если начну думать, что с тобой что-то может случиться, — сказал он, взяв её холодные маленькие ладошки в свои большие и тёплые, но дрожащие от ужаса. Хорошо, Лун не видит, насколько широко открыты его глаза...

— Да, хорошо, я не буду больше, прости, — проговорила Лун, сглотнув ком в горле, опустив голову, будто смотря на его руки, сжимающие её.

— Нет, не извиняйся. Всё хорошо, я просто... я очень волнуюсь, Лун, — сказал Реймун, обняв её, прижав к себе. Но его взгляд из-за спины девушки упал туда... На лицо светловолосого парня на портрете, стоящем на полу... Он ведь был завешен, разве нет?...

Глава 4

Скучно, чертовски скучно... С этой мыслью Лун барабанила ногтями по деревянной поверхности стола. И всё-таки что-то ведь стучит... Хотя Реймун не слышит ничего и днём и ночью; ночью иногда настолько громко, что кажется, будто кто-то стучится в их окно. Всё время что-то стучит. Неужели от безделья Лун начала сходить с ума?

Да и на это указывает ещё кое-что... Лун стала забывать расположение мебели в их доме... Она часто начала спотыкаться, задевать мебель, ударяться о неё именно когда Реймуна нет дома. Раньше такого с ней не бывало никогда... Или, может, проблема не в ней?... Реймун был часто слишком устал, чтобы запоминать расположение книг на их пыльных полках, но Лун могла поклясться, что «Мастер и Маргарита» стояли над «Анной Карениной», а «Идиот» был на нижней полке слева, хотя Реймун брал его сверху... Как же много вопросов и ни одного ответа. Вот в их старом доме такого никогда не случалось... Лун всегда знала, что и на каком месте. Хотя если так подумать, тогда Лун видела, что и на каком месте...

Реймун быстрыми шагами шёл домой. Больше он никогда не задерживался, слишком волновался за жену. Не смотреть в окна, не смотреть в окна... Он, как обычно, нервно оборачивался, словно какая-то тёмная сущность преследует его по пятам. Может, это и называется совестью? Хотя при чём здесь совесть. И почему Реймун подумал об этом?... Как же много вопросов и ни одного ответа... Но сегодня он шёл домой не с пустыми руками. Вообще, он никогда не ходит с пустыми руками — без своих вещей он и из дома выйти не может. Конечно, он видел, как Лун скучно дома... Поэтому купил для неё скрипку... Не её, конечно, но всё же. Бывшая скрипка Лун была особенной. Единственной во всей вселенной. Потому что Лун разрисовала её. Белые диантусы на тёмно-вишнёвом фоне. Таких скрипок ещё мир не видел. Хотя если скрипка попала в хорошие руки, может, мир её ещё увидит. Когда Лун играла, она была другой. Более открытой, более... понятной... Вне игры её мысли трудно угадать. Она молчит большую часть времени, немо переваривая внутри себя важные вещи. Но играя, она показывает все свои эмоции, иногда даже улыбаясь... Как же Реймун скучает по времени, когда она улыбалась каждый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.